

Двенадцать Юаней, выдав напоследок эту ошеломительную тираду, мгновенно умолк.

Похоже, травма времен младенчества, проведенного на одной из ферм Таобао у Жемчужной реки, готова была повториться. Там, стоило ему впервые заговорить по-человечески, сородичи тут же затравили его за непохожесть. А ведь он — существо земноводное, ему от роду всего-то три года. Подражание людской речи на этом этапе развития — чистый инстинкт, биологическая потребность. Так что, копируя двуногих, кроха и близко не понимал, какой именно смысл вкладывают люди в обронённое им слово.

С детей какой спрос? Взрослые обычно лишь снисходительно качают головами на их проказы. Вот только нашему Великому Предку сейчас пришлось несладко. Он-то, в отличие от глупого детеныша, прекрасно понимал значение этого слова. Старик, выбравшийся на сушу сделать плановый вдох, едва не задохнулся — остатки кислорода в легких застряли где-то в горле.

«Муж... му-муж?» — у Патриарха перехватило дыхание.

Он замер, не зная, то ли смеяться, то ли плакать. Повторяя про себя этот нелепый титул, древний ящер едва не усомнился в самом смысле своего драконьего бытия. Шутка ли: он благополучно пережил несколько планетарных катастроф, не завязав интрижки ни с одной приличной рыбиной в океане, и вдруг на старости лет обзавелся... законной супругой? Не дай бог об этом прознает чешуйчатая братия Гуандуна. Расслабятся жабры у местных обитателей от хохота. Его, величайшее морское божество, мигом запишут в престарелые извращенцы, совратители малолетних тритонов. От такого позора и на самом дне Южного моря не отмоешься.

В густом ночном полумраке старик покраснел. Стыдобища какая. Впрочем, стоило бы заняться и самокритикой: с какого перепугу он, умудренный тысячелетиями патриарх, позволил детскому лепету выбить себя из колеи? Почему его древнее сердце вдруг пустилось вскачь, стоило лишь этому розовому недоразумению улыбнуться?

Нельзя принимать всерьез болтовню существа, которое даже не понимает, к какому биологическому виду принадлежит.

«Уймись, старый, — мысленно приструнил себя ящер. — Ты высокоразвитый разумный хищник, доживший до двадцать первого века, твоя нервная система давно сформировалась. Не хватало еще потерять голову из-за этой персиковой веточки, которая по какому-то недоразумению распустилась посреди солёных волн».

К тому же он выудил мальчика из воды просто мимоходом, повинувшись минутному порыву. Спасать немощных и требовать за это плату никогда не было в его правилах. Но как получилось, что этот розовый головастик перехватил инициативу и теперь незаметно диктует свои условия?

Неужели его, древнего титана, сначала обвели вокруг пальца при первой встрече, а теперь беспардонно дурачит трехлетний малек?

Дело принимало скверный оборот. Наш несчастный Патриарх, которого едва не женили без его согласия, принадлежал к невероятно древнему, таинственному виду. Размерами его сородичи превосходили большинство китов и акул, но с незапамятных времен они вели исключительно одиночный образ жизни. В их генетическом коде не было понятия о стае. Самец и самка сходились лишь раз в жизни ради единственного спаривания, после чего расходились навсегда. Самка производила на свет живое потомство и тут же оставляла его, предоставляя детенышу самому бороться за выживание.

Исполинские, нелюдимые создания. Они были лишены родительских чувств и семейных привязанностей, столь свойственных другим рептилиям. Этот вид, некогда ставший стержнем китайской мифологии, в современном мире признали вымершим. В биологии ведь как: исчезновение вида не означает смерть последней особи. Если популяция потеряла способность к воспроизводству, вид считается мертвым.

И он, выживший вопреки всему, действительно остался последним представителем своего древнего рода не только в Китае, но и на всей планете.

Он давно отвык от чужих голосов. Роль, которую он играл в экосистеме, требовала строгого соблюдения законов природы. Ему не следовало сближаться с другими звеньями пищевой цепочки, чтобы ненароком не разрушить их хрупкий ареал обитания своей сокрушительной мощью.

Но каждое новое исключение, сделанное ради этого крохи, уводило его всё дальше от вековых инстинктов.

Может, просто уйти? Сделать последнее доброе дело — вывезти бедолагу за пределы Океанического фронта, подыскать ему тихую пресноводную заводь, а там пусть крутится сам. В конце концов, в эпоху апокалипсиса каждый сам за себя.

Но с другой стороны... этот дурачок даже брокколи проглотить не может. Что, если его сожрут в первые же часы?

Хотя нет, постой. Малыш ведь виртуозно умеет притворяться мертвым. Если подумать, это еще вопрос, кто кого сожрет. Возможно, именно этот розовый дьявол станет грозой местных водоемов.

Морской заступник продолжал ворчать про себя, выказывая деланное нетерпение, но в его мыслях не было и тени настоящей злости. Любой сторонний наблюдатель сразу бы понял: с того самого момента, как этот суровый исполин впервые поддался порыву заботы, он ступил на стезю, с которой его драконьей душе уже не суждено свернуть.

Пока наш Опекун волн предавался далеко не самым солидным размышлениям, решая судьбу розовой обузы, сам виновник его тревог не сводил с него глаз. Малыш смотрел не мигая, с таким искренним, нежным обожанием... истинный взгляд рожденного под знаком цветущего персика.

— Мя-а-ат... — тихонько позвал Двенадцать Юаней.

Большой ползун лишь мысленно вздохнул.

Не знай он заранее, что этот причудливый вид общается именно так, он бы точно растерялся. Их ветви эволюции разошлись миллионы лет назад, наделив предков малыша повадками, в корне отличавшимися от привычек глубоководного исполина. Патриарху в пору было спастись бегством от этого пресноводного «похитителя сердец».

Эти существа были созданы для любви и страсти. Самой природой им было предписано петь сладкие, чарующие песни, привлекая сородичей. Стоило им достичь зрелости, как этот круговорот ухаживаний захватывал их с весны до весенней оттепели без перерыва. А выбрав однажды пару, они оставались верны своему избраннику до конца дней. Столь бурные, почти человеческие чувства казались немыслимыми для диких обитателей рек, и этот пухлый розовый комочек пока мало походил на коварного соблазнителя.

Но, положив руку на сердце, его голосок звучал невероятно мило. Маленький искушитель, заметив, что черный гигант снова разглядывает его, не стал шуметь, а лишь умильно склонил голову набок и опять заулыбался.

Удивительное дело: два столь несоразмерных существа, не имея даже общего языка, понимали друг друга без слов. В этом взгляде, полном абсолютного доверия, не было фальши — лишь чистая, незамутненная радость от присутствия близкого существа. Прежде Патриарх не испытывал ничего подобного. Это тихое, согревающее чувство проникало под панцирь, заставляя его оттаять.

Оставь он этот персиковый цветок сейчас — и если когда-нибудь впереди его настигнет гнетущее одиночество, он сможет хоть тридцать дней кряду бороздить устье Жемчужной реки, но больше никогда не встретит никого, кто улыбнулся бы ему с такой же нежностью.

Все сомнения и планы побега испарились без следа. Мимолетная улыбка крохи, похожая на качнувшийся бутон персика, мгновенно прогнала хмурые мысли. Старик невольно улыбнулся в ответ, окончательно простив глупому детенышу его давешнюю выходку.

«Ладно, бог с тобой, — подумал он. — Какой смысл толковать с тобой об эволюции или тайнах биологических видов? Рассказывать, почему я выудил тебя из волн и какая сила дремлет в твоей крови? Всё равно ведь ничего не поймешь. Лучше я помогу тебе осознать собственную суть. Направлю тебя, чтобы ты наконец выяснил, кто ты и как звучит твое настоящее имя».

Наш Опекун волн в этот миг действительно явил собой образец идеального заступника. Ради того, чтобы наладить контакт со своим персиковым чудом, этот суровый владыка без лишних колебаний отбросил величие и пошел на уступки.

В течение следующих пяти минут на берегу разворачивалось завораживающее зрелище.

Черная, плотная защитная мембрана, обтягивавшая колоссальное тело морского исполина, начала стремительно сжиматься и таять, словно испаряясь на воздухе. Перед глазами Двенадцати Юаней будто разворачивался пожелтевший свиток древней летописи. Кроха никогда не видел людей далекого прошлого, но сейчас ему казалось, что перед ним на отдели предстал сам Бог.

Современная наука вряд ли смогла бы объяснить, каким образом живой организм способен столь стремительно перестраивать свою физическую форму ради адаптации. Но под серебряным диском луны ящер сбрасывал покровы один за другим. Его могучий хвост и массивные лапы, погруженные в воду, не исчезли, но видоизменились. Черная, лоснящаяся кожа на бедрах плавно переходила в крепкий, отливающий мягким сиянием торс. Лишенный чешуи, этот полурыбий, полужмеиный хвост изгибался с невероятной грацией — абсолютный триумф первозданной красоты.

Эволюционный скачок, занявший секунды вместо геологических эпох, завораживал. Вблизи его новое тело напоминало драгоценную утварь из императорской гробницы: благородный лак, выкованный лучшими мастерами клинок, древнюю ритуальную бронзу. Вековая океанская пыль, налет зеленой патины и золотистые отблески скрывали его истинную сущность под толщей вод, но теперь этот отлив напоминал изысканную глазурь эпохи Тан, потемневшие сосуды царства Чу, трюмы торговых джонок, доверху набитые жемчугом, и величавые изломы Великой стены.

Именно такое существо китайские правители испокон веков считали земным воплощением своей власти, почитая его как прародителя династий. И на протяжении пяти тысяч лет весь народ гордо именовал себя его потомками.

Прежде двадцатидевятиметровый исполин физически не мог выбраться на сушу. Но теперь, сбросив защитный панцирь, он явил миру теплое человеческое лицо и крепкие плечи, сохранив лишь длинный черный хвост. Обретя этот облик, великий Предок наконец смог ступить на песчаный берег навстречу тому, кто делил с ним общие корни.

Двенадцать Юаней стоял у самой кромки воды. Он восторженно посмотрел и звонко закричал, приветствуя гостя.

Вышедший из волн ящер снова улыбнулся. На этот раз его взгляд зацепился за чистый, удивительно яркий розовый оттенок на теле малыша. Для древнего бога этот персиковый румянец не был просто пигментом — он казался россыпью нежных персиковых лепестков, связавших их судьбы.

«Я — символ древних императоров. Ты — воплощение речного духа Янцзы».

Здесь, на Океаническом фронте, две ветви единого эволюционного древа, некогда разделившиеся на суше и в воде, вновь сошлись, оглашая побережье похожими призывными кликами. Великий речной владыка... Кроха и сам не подозревал, что в его жилах течет кровь некогда могущественного духа, правившего пресными водами Китая.

Однако столь поэтичную сцену наш на редкость серьезный и солидный Патриарх умудрился безбожно сорвать.

В следующее мгновение этот почтенный прародитель внезапно скорчил дикую гримасу, вытаращил глаза и, дурачась, вскинул вверх две когтистые лапы, принявшись истошно вопить на весь берег.

Пятитысячелетний владыка морей самозабвенно изображал любовный паралич:

— Мя-а-ат! Мя-а-ат! Мя-а-ат!

Двенадцать Юаней опешил. Розовый хохолок на его голове смешно приподнялся, а затем малек чуть не подпрыгнул от восторга. Услышав знакомый призыв, он признал в чудище родную душу и радостно подхватил дурашливый вой:

— Мя-а-ат!

— Мя-а-ат! Мя-а-ат! Мя-а-ат!

За последние две недели малыш впервые выглядел настолько счастливым.

Видя, в какой восторг пришел его персиковый питомец, этот старый пройдоха не на шутку возгордился. Ну еще бы! Он ведь умнее всех, сразу смекнул, чего не хватало мелкому для полного счастья. Знание зоологии пресноводных дало свои плоды — счет сравнялся, очко в пользу старшего поколения.

Двенадцать Юаней так ликовал, что оба мгновенно позабыли о приличиях и принялись увлеченно переключаться на своем нехитром наречии. Великий Предок с блаженной улыбкой на лице самозабвенно притворялся дурачком, лишь бы развлечь ребенка.

— Ну что, доволен теперь, маленький плут? — мысленно посмеивался Патриарх.

— Мя-а-ат! Мя-а-ат! — взхлеб заливался Двенадцать Юаней. В его переводе это означало: «Так ты... ты правда меня понимаешь! Тебя тоже продали на Таобао за двенадцать юаней? А в какую часть Гуандуна тебя везли?»

Пользуясь своим солидным возрастом и абсолютным авторитетом, ящер, не моргнув глазом, принялся вдохновенно врать дальше:

— Конечно! Эти дельцы с Таобао вечно устраивают распродажи и пакуют нас, редкую живность, в коробки ради копеечной выгоды. Мне ведь тоже всего три годика, вот они и засунули меня в посылку. Иначе с чего бы нам обоим оказаться здесь среди кучи размокших

посылок?

Многотысячелетний монстр врал нагло и вдохновенно.

Наивный Двенадцать Юаней принял всё за чистую монету. Он сочувственно вздохнул, покачал головой и протянул:

— Надо же... Вот оно как... Но ты... как-то старовато выглядишь. Наверное, натерпелся в дороге, пока в коробке ехал? Совсем на трехлетку не похож.

Патриарх онемел.

Подобной жестокости он не ожидал. Почему дети всегда так безжалостно бьют по самому больному? Древний владыка застыл как изваяние, а в его душе в этот миг разразился такой безмолвный плач уязвленного мужского самолюбия, что его эхо, казалось, прокатилось по всему Гуандуну.

Однако Двенадцать Юаней, пребывая в полнейшем восторге, поспешил подсластить пилюлю. Он умильно сощурился и пролепетал на своем саламандрьем наречии:

— Но это всё совсем не важно! Главное — я так счастлив! Муж мой! Наконец-то мы встретились! Ты первый, кто понял меня!

Древний ящер поперхнулся. Снова этот титул. Покраснев от стыда, Патриарх неловко кашлянул в кулак и попытался воззвать к остаткам здравого смысла:

— Послушай, прекрати называть меня мужем. Муж — это тот, кого ты встретишь в будущем, когда вырастешь и научишься разбираться в жизни. Только тогда это слово обретет для тебя истинный смысл.

Малыш озадаченно посмотрел, явно запутавшись в столь сложных социальных связях:

— А почему? Тмолл Цзиньлин именно так мне и объясняла! Я думал, «муж» — это самый первый и самый важный близкий, которого ты встречаешь в жизни... Вот Май-сяньшэн — муж Май-тай, а она — его жена. Мы ведь с тобой тоже говорим на одном языке, разве мы не муж и жена?

Ящер обреченно прикрыл глаза.

Разговор неумолимо заходил на второй круг вокруг этих злосчастных брачных определений. Сидя на ночном берегу, Патриарх чувствовал себя дряхлым стариком. Как растолковать глупому детенышу разницу? Не вываливать же на него сухую лекцию: «Ты принадлежишь к

такому-то биологическому виду, я — к другому, наши предки разделились тысячи лет назад. Моя забота о тебе в этот конец света — лишь дань нашему эволюционному родству. Тебе незачем величать меня супругом. Со временем ты вырастешь, окрепнешь и станешь свободным, как ветер — такова природа твоего рода. Просто твоя стихия — не соленый океан, а тихие пресные реки».

Размышляя так и эдак, ящер бросил взгляд на забавную мордашку розового ползуна. В его голове созрел план. Если уж он не может выложить всю правду о происхождении их видов прямо сейчас, то вполне способен начать с малого. Например, рассказать красивую сказку. Или со временем забрать малыша с собой и показать ему те заповедные уголки Китая, где когда-то обитали их общие предки.

А для начала — назвать свое настоящее имя.

Двенадцать Юаней увидел, как его новообретенный друг мягко улыбнулся и заговорил. Его голос — низкий, бархатистый, чисто мужской — заставил саламандру испуганно и сладостно затрепетать.

— Меня зовут не «муж», — мягко произнес ящер. — И ты мне не жена. Эти слова подходят для обычных людей и их приземленных союзов. Но то, что связывает нас, — совсем иного рода.

Он подался чуть вперед, и лунный свет подчеркнул волевые черты его лица.

— Мое имя — Фушэнь. «Фу» — от целебного гриба фулин, «Шэнь» — от слова «божество». Запомни его.

Он тихо вздохнул, глядя на притихшего малыша:

— Я не рожден для соленых глубин этого океана, как и ты, моя маленькая пресноводная Фея Персикового Цвета. Ну так что, сможешь запомнить мое настоящее имя?

<http://bllate.org/book/19977/2029048>